

УДК 808.5

Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней

Шуйская Юлия Викторовна

Кандидат филологических наук, декан,
факультет журналистики,
Институт международного права и экономики,
111024, Российская Федерация, Москва, шоссе Энтузиастов, 21;
e-mail: shujskaya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам риторической диспозиции: расположения речи. В античности канон расположения предполагал предварительную работу с инвенцией по топосам, в дальнейшем инвенция редуцировалась, и диспозиция приняла на себя ее функции. Восприятие выступления слушателями древности было детерминировано соответствием канону, в дальнейшем при вырождении канона ораторы стали полагаться на свою интуицию и привычный им ход развития мысли, усвоенный ими в процессе профессионального образования. Инвенция по топосам подразумевала наличие «запаса» идей, который оратор мог использовать в дискуссии либо для усиления аргументативной части выступления. Превращение гибких схем диспозиции в жесткие правила инвенции обезоружило оратора и вылилось в критику структуры речи как таковой, что привело к формированию обширного корпуса бесструктурных и мало структурированных выступлений. В европейской риторике эта смена вектора в области диспозиции относится к XVII веку, в российской практике – к концу XIX века. В XX столетия были предложены новые схемы диспозиции, рассчитанные на рекламные выступления и продажи.

Для цитирования в научных исследованиях

Шуйская Ю.В. Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 301-310.

Ключевые слова

Риторика, инвенция, диспозиция, композиция, расположение.

Введение

Античный канон подготовки речи предполагал пять последовательных шагов: сначала оратору предлагалось продумать содержание своей речи по так называемым топам (топосам), или общим местам, которые представляют собой категории, помогающие найти идеи для будущего выступления. Далее найденные идеи отбирались в соответствии с параметрами потенциальной аудитории (возрастом, полом, общественным положением, количеством) и располагались по определенной схеме. Следующие шаги представляли собой составление готового текста с использованием тропов и фигур речи, запоминание его и репетицию выступления.

Этапы подготовки выступления носили название «инвенция», «диспозиция», «элокуция», «память» и «действие». Речь воспринималась подготовленной аудиторией, которая в большинстве случаев была знакома с каноном, в частности, владела схемой, которую использовал оратор, и представляла себе, где какая часть речи начинается и заканчивается, каким должно быть ее примерное содержание и пр. Восприятие выступления в античности было сходно с восприятием литературного произведения или любого другого произведения искусства: существовал некий канон, в рамках которого оратору следовало выразить себя. Отступления от канона были заметны аудитории и осуждались ею. В то же время история античной риторики развивалась благодаря прорывам, нововведениям и инновациям различных риториков.

Диспозиция выступления предполагала наличие готового плана, который, по замыслу авторов таких схем, был призван помочь ритору всесторонне раскрыть тему и добиться необходимого эффекта. Следует подчеркнуть, что использование такого плана было в большей степени данью традиции, чем результатом анализа темы.

Диспозиция в античной и раннесредневековой риторике

Наличие готового плана облегчало задачу оратора и подразумевало, что при подготовке выступления он найдет возможности для самовыражения в рамках заданной схемы. Как правило, в риториках античности [Автоний, 1805; Аристотель, 2000; Квинтилиан, 1834; Цицерон, 1972] готовый план был вариативным – предполагалось, что автор может выбрать из нескольких вариантов ходов мысли в зависимости от конкретной темы и конкретной аудитории. Наиболее ранние идеи о расположении в риторике сформировались в недрах школы софистов, против которых выступали Сократ и Платон. В практике преподавания красноречия софисты использовали образцовые речи, и ученики составляли свои первые выступления, подражая этим образцам [Лосев 2000, 48-60].

Схема Квинтилиана, описанная древнеримским оратором и педагогом Марком Фабием Квинтилианом, включала в себя восемь частей: обращение, именование темы, повествова-

ние, описание, доказательство, опровержение, воззвание и заключение [Квинтилиан, 1834, 564]. Число «восемь» имело сакральный для античной традиции смысл: так, в традиции школы стоиков выделяется восемь частей речи (имя, глагол, наречие, местоимение, причастие, предлог, союз и артикль), а классический рисунок подразумевал деление тела человека на восемь частей. Части выступления в схеме Квинтилиана неравноценны: первые две и последние две сравнительно малы, в то время как основная часть речи приходится на повествование, описание, доказательство и опровержение.

Следует отметить, что ситуация в искусстве произнесения речей является частью более широкой ситуации – отношения к произведениям искусства как таковым и закономерностям их восприятия. В дальнейшем эта тенденция продолжалась.

Готовые схемы античной риторики воспроизводились в дальнейшем в европейской традиции красноречия, однако некоторые традиции видоизменились в эпоху Средневековья. Так, в риторике Европы в Средние века был выработан так называемый *ordo naturalis* – «естественный порядок», предполагавший наличие в речи четырех основных частей: вступление, изложение, доказательство и опровержение [Безменова, 1991, 67]. Этот порядок изложения представляет собой модифицированную схему Квинтилиана. Ее же легко узнать в другом варианте *ordo naturalis*, состоящем из 6 частей: предисловие, повествование, предложение, укрепление, опровержение, заключение [Безменова, 1991, 89].

Альтернативный вариант 8-частной схемы выступления был разработан в IV веке н. э. византийским оратором и педагогом Автонием. Он, как и Квинтилиан, придерживался классического количества частей речи, однако содержание частей речи отличается: приступ, парафразис, причина, противное, подобие, пример, свидетельство, заключение [Автоний, 1805, 150]. Эта схема впоследствии воспроизводилась в трудах М.В. Ломоносова [Ломоносов, 1850, 14] и Н.Ф. Кошанского [Кошанский, 1854, 38] – в российской традиции красноречия эта последовательность развертывания мысли известна под именем «схема Ломоносова–Кошанского» [Михальская, 1996; Далецкий, 2003].

Диспозиция в риторике Средних веков

В Средние века восприятие выступления как реализации определенного канона стало второстепенным, так как традиции состязательного красноречия прервались. Основным жанром стало красноречие проповедническое и судебное, и акцент в восприятии выступления оратора сместился на содержание: если ранее аудиторию интересовало, как именно оратор уложился в предлагаемый канон, и сделал он это лучше или хуже, чем его оппонент, то в дальнейшем стала более подробно разрабатываться убеждающая аргументация. Следует подчеркнуть, что средневековая традиция красноречия во многом ориентирована на толкование готового текста – в частности, текста Священного Писания или текста законодательства. Если ранее, в риторике античности, структура речи была задана, а содержание

варьировалось в зависимости от ситуации, то в Средние века к заданной структуре добавилось и заданное содержание. Основной посыл оратора определялся авторитетными источниками – например, произведениями отцов церкви.

Как отмечает С.С. Аверинцев, смена вектора в красноречии объясняется изменением риторического идеала на научный: если в эпоху античности достойным оратором считался человек, который разбирается во многих темах, то в эпоху Средних веков наступило время узких специалистов: достойным оратором и ученым считался тот, кто максимально глубоко осведомлен в частной теме [Аверинцев, 1984, 359]. Соответственно, акцент сместился на аргументацию. Античному оратору, поверхностно осведомленному в заданной теме, был нужен канон, чтобы упорядочить разрозненные идеи. В Средние века выступать по определенной теме мог человек, всесторонне в ней ориентирующийся, что подразумевало доверие к его аргументации независимо от порядка ее расположения.

Диспозиция в эпоху Возрождения и Нового Времени

Диспозиция в риторике Возрождения подразумевала подражание античным образцам, а в риторике Нового Времени произошли новации, переменившие сам взгляд на этап расположения. Первоначально расположение, диспозиция, следовало за изобретением, инвенцией, и смысл этапа диспозиции был в том, чтобы расположить найденные идеи. В риторике XVII и последующих столетий был совершен решительный отказ от инвенции, начавшийся с французской риторики Пор-Рояль и продолжившийся в европейской, а позже и в российской риторике.

Общий смысл этого отказа заключался в том, что инвенция была признана искусственным этапом, усложняющим подготовку речи. Бернар Лами, осуждавший изобретение по топам, советовал оратору опираться на собственные мысли и эмоции, не используя специальной технологии нахождения мыслей [Пастернак, 2002, 48]. Постепенно авторы руководств по красноречию полностью отказались от инвенции по топам. В XVIII веке топы используются как инструмент нахождения мыслей для речи в большинстве риторик, в XIX веке, особенно во второй его половине, авторы начинают осуждать инвенцию, а в XX веке от нее полностью отказываются.

В результате происходит подмена этапов подготовки выступления. Когда инвенция как инструмент нахождения идей для будущей речи утрачивается, диспозиция в итоге начинает выполнять роль инвенции. Изначально смысл инвенции в античной риторике был задуман как комбинаторика всех возможных идей по поводу темы речи. Оратору предлагалось воспользоваться такими топами, как *субъект, объект, причина, цель, место, время* и другими, как бы задавая себе во время подготовки выступления вопросы: *кто является субъектом этого действия? кто является его объектом? где и когда оно совершается?* и пр. Такая работа по нахождению идей была достаточно трудоемкой, причем в итоге да-

леко не все найденные мысли входили в текст выступления. Условно, оратор мог найти 40 идей, а в текст будущей речи включить только 10. Авторы руководств по красноречию XVII века задались справедливым, по их мнению, вопросом: зачем заставлять ратора совершать лишнюю работу?

Однако смысл работы с общими местами был не только в том, чтобы найти идеи, отбросить ненужные и затем составить выступление из оставшихся. Прежде всего, оратор отталкивался в своих действиях от интересов аудитории. Если во время выступления он видел негативную реакцию слушателей, если возникала полемика или дискуссия, если слушатели задавали вопросы, оратор имел некий «запас» идей, которые позволяли ему использовать дополнительную аргументацию. Более того, во время всесторонней проработки темы он получал различные сведения о ней и мог свободно ориентироваться в своем выступлении. Хотя античный канон речи не предполагал импровизации, приветствовалось агональное красноречие, подразумевающее состязание, в ходе которого оратор должен был быть готов к самым неожиданным вопросам и выпадам.

Разрушение традиций состязательного красноречия в Средние века привело к постепенному вырождению инвенции: из работы над темой изобретение по топам превратилось в механическую процедуру, смысл которой сводился к «пропуску» темы речи через матрицу определенных идей.

Топы как категории инвенции имели ряд функций: помимо нахождения идей как таковых, они становились основой аргумента и основой амплификации речи. Иными словами, оратор мог использовать топ трояко: например, пользуясь топом *места*, он мог найти идеи для выигрышного вступления – рассказать слушателям о том, в каком прекрасном (прославленном, знаменитом благодаря тем или иным событиям) месте они находятся, построить *аргумент к месту*, используя топ в качестве среднего термина силлогизма с заранее известным выводом. Если необходимо было убедить аудиторию в том, что необходимо делать что-либо, оратор мог привести слушателей к этой мысли через аргумент *Мы находимся в месте, в котором принято поступать так*. К примеру, с помощью аргумента к месту можно призвать студентов соблюдать правила поведения в университете. Наконец, идея *места* могла использоваться для амплификации отдельно взятой фразы: если оратор ставил себе задачу увеличить объем речи, в каком-то из предложений он мог добиться этого, используя придаточное предложение места.

Топы, таким образом, использовались в инвентивной, диспозитивной и элокутивной (амплификативной) функции. В античности все три функции представляли собой синкретизм, и диспозиция была неотделима от инвенции, а топика от аргументации. В дальнейшем, при разрушении этого синкретизма функций инвенция «отпала» как представлявшаяся ненужной, однако от этапа диспозиции теории риторики не решались отказываться.

В результате оратор оказался лишен первичного инструмента нахождения идей, которые необходимо было впоследствии сортировать и упорядочить. Приступая к работе над

речью, он начинал сразу с диспозиции, которая представляла собой не инструмент для нахождения идей, но план по их упорядочиванию, а за неимением инвенции превратилась и в инструмент нахождения мыслей. Пункты схемы Квинтилиана, *ordo naturalis* и других вариантов плана речи стали основой поиска идей: так, например, повествование предполагало, что оратор описывает историю данной темы и пр.

Такая подмена функций привела к последующему вырождению и диспозиции. Критики античной традиции видели в ней неестественный схематизм, от которого в новейшей традиции предполагалось избавляться, опираясь на свободный полет мысли оратора.

Диспозиция в риторике XX века

К концу XIX века и началу XX века рекомендации по расположению речи превратились в советы, главным образом касавшиеся вступления и заключения. Если ранее выступление задумывалось как гармоничное единство из 8 частей, каждая из которых имела свою функцию и свою позицию, то во многих риториках XX века выступление мыслилось как произвольный набор идей между вступлением и заключением.

В то же время в риторике XX века началась разработка новых схем построения текста, с опорой на закономерности восприятия аудитории. В традиции риторики США возникли схемы так называемой *elevator speech* – краткой мотивационной речи, которая во многом была рассчитана на продажу определенного продукта и фактически была разработана для коммивояжеров.

При этом традиция создания *elevator speech* не предполагала опоры на инвенцию: диспозиция как готовый план полностью подменила этап нахождения мыслей. Тем самым в риторике постулируется, что все аудитории одинаковы в своем восприятии, а работа с вопросами, возражениями, дискуссией и пр. не подготавливается заранее. В античной традиции, которую обвиняли в излишней ригидности и схематизме, выступление мыслилось как динамичное, отвечающее на потребности аудитории, а в традиции риторики Нового Времени, которая декларировала отказ от всех готовых схем в пользу вдохновения, в реальности выступление задумывалось как жестко регламентированный законами диспозиции текст в силу того, что инвенция опускалась, а диспозиция стала выполнять роль инвенции.

Античная традиция, помимо обучения красноречию, с усвоением заданных канонов построения речи предполагала и еще один способ обучения: подражание образцам. В качестве образцов выступали лучшие речи различных ораторов, которые, в большинстве случаев, воплощали заданные в руководствах по красноречию типовые структуры. Иными словами, между двумя способами изучения красноречия не было непроницаемой стены: с одной стороны, авторы руководств по риторике индуктивно выводили из лучших речей типовые структуры, с другой стороны, ученики усваивали эти структуры как на основе лучших речей, так и от своих учителей.

Подмена инвенции диспозицией, а впоследствии полное вырождение диспозиции до уровня «вступление – основная часть – заключение» к началу XXI века привели к ситуации, когда скопился корпус эффективных выступлений, построенных не по типовым структурам, предлагавшимся в руководствах по риторике, а в соответствии с соображениями оратора.

Заключение

Как правило, диспозиция при подготовке выступления присутствует стихийно, даже если оратор никогда не учился искусству красноречия и не занимался риторикой. Если на подготовку выступления выделено хотя бы несколько минут, оратор старается упорядочить свои идеи в соответствии с определенным планом, который, как правило, используется им в качестве стандартного либо является принятым каноном для данного типа выступлений.

В современной речевой практике схемы Автония и Квинтилиана имеют ограниченное употребление, так как их структура больше подходит для научного доклада, чем, к примеру, для краткой энергичной презентации. Для выступлений в сфере бизнеса и торговли чаще используется так называемая *elevator speech* – краткая двухминутная речь, цель которой – увлечь и мотивировать слушателей.

Однако большинство ораторов вовсе обходятся без готовой схемы: их выступления происходят практически спонтанно либо при подготовке речи они руководствуются задуманными и найденными идеями, не выстраивая какой-либо упорядоченной схемы.

Квинтилиан, Автоний и другие авторы готовых схем речей, как правило, руководствовались не уже существующей речевой практикой, а закономерностями восприятия: так, к примеру, в начале речи предполагалось объявить и повторить ее с перефразированием (парафразис), чтобы слушатели осмыслили тему выступления, задумались о ней и вспомнили те знания, которые у них уже есть по данной теме. Так, специалист по технике презентаций Энтони Джей указывает, что такое начало выступления помогает объединить слушателей и дать им возможность думать о какой-то одной теме [Джей, 2001, 15]. Однако ни один исследователь не задавался вопросом об индуктивном исследовании, о сопоставлении уже существующих выступлений и вычлениении из них схем эффективной речи. В тех руководствах, где в качестве основных схем выступления представлена схема Квинтилиана или Автония, как правило, в пример приводятся ученические речи, созданные теми, кто уже знал про эту структуру. Примеров интуитивного использования этой схемы, без априорного знания о ней, не существует.

В то же время многие успешные ораторы интуитивно создают такие выступления, которые вызывают у слушателей положительную реакцию, дают возможность не только запомнить речь, но и получить предполагавшийся результат: к примеру, добиться утверждения той или иной поправки к закону и пр. Следовательно, в современной риторике необходимо предпринять анализ корпуса текстов успешных речей, индуктивным путем выводя схемы диспозиции, которые позволяют присоединить аудиторию к своей точке зрения.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М.: Наука, 1984. С. 359-360.
2. Автоний. Предуготовление к красноречию. Сочинение древнего софиста Автония. М., 1805. 538 с.
3. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб: Азбука, 2000. 348 с.
4. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 316 с.
5. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. 214 с.
6. Далецкий Ч.Б. Риторика: заговоры, и я скажу, кто ты. М.: Омега-Л, 2003. 486 с.
7. Джей Э. Эффективная презентация. Минск: Амалфея, 2001. 222 с.
8. Квинтилиан Марк Фабий. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб, 1834. 1002 с.
9. Кошанский Н.Ф. Общая риторика. СПб., 1854. 190 с.
10. Ломоносов М.В. Сочинения Ломоносова. Т. 3. СПб, 1850. 602 с.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. 846 с.
12. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
13. Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 328 с.
14. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М: Наука, 1972. 472 с.
15. Clarke M.L. Rhetoric at Rome. A Historical Survey. London; Glasgow: Cohen & West ltd; The University Press, 1953. 224 с.

The dynamic of rhetoric disposition from ancient to present times

Yuliya V. Shuiskaya

PhD in philology,

Dean of journalism faculty,

Institute of international law and economics,

111024, 21 Entuziastov hwy, Moscow, Russian Federation;

e-mail: shujskaya@yandex.ru

Abstract

The art of disposition of speech was initially created in the Ancient Greece and was made as a rigid scheme which was well-known to both speaker and his audience. The audience

estimated the speech like every art object: the listeners knew the scheme and wanted to see how the speaker used it in the concrete speech. The bulk of great speeches which were used in the learning of public speech were also organized on the basis of the same scheme. The perception by the listeners of antiquity was determined by the conformity to the canon; later on, with the degeneration of the canon, the speakers began to rely on their intuition and their usual course of thought development, acquired in the process of professional education. In the Middle Ages the scheme of disposition was also used but it was separated from the previous part of the speech preparing which was called invention and presupposed the search of the ideas on the basis of the number of ideas which was varied from 10 to 40 and was used to seek the ideas for the future speech. The disposition was created just to systematize these ideas and leave some of them as a store for the discussion. Then the disposition took part of the invention and lately even the disposition was reduced and finally declined. After that the speeches were generally created on the basis of the speaker's individual experience and his opinion.

For citation

Shuiskaya Yu.V. (2017) Dinamika ritoricheskoi dispozitsii ot antichnosti do nashikh dnei [The dynamic of rhetoric disposition from ancient to present times]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 301-310.

Keywords

Rhetoric, invention, disposition, composition, speech.

References

1. Akhmanov A.S. (1960) *Logicheskoe uchenie Aristotelya* [Logical doctrine of Aristotle]. Moscow.
2. Aristotle (4th century BC) *Poetics. Rhetoric* (Russ. ed.: Aristotle (2000) *Poetika. Ritorika*. Saint Petersburg: Azbuka Publ).
3. Autonius. *De oratore* (Russ. ed.: Avtonii (1805) *Predugotovlenie k krasnorechiyu. Sochinenie drevnego sofista Avtoniya*. Moscow).
4. Averintsev S.S. (1984) Antichnyi ritoricheskii ideal i kul'tura Vozrozhdeniya [Ancient rhetorical ideal and culture of the Renaissance]. In: *Antichnoe nasledie v kul'ture Vozrozhdeniya* [Ancient heritage in the culture of the Renaissance]. Moscow: Nauka Publ., pp. 359-360.
5. Bezmenova N.A. (1991) *Ocherki po teorii i istorii ritoriki* [Essays on the theory and history of rhetoric]. Moscow: Nauka Publ.
6. Cicero M.T. (1972) *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three treatises on oratorical art]. Moscow: Nauka Publ.
7. Clarke M.L. (1953) *Rhetoric at Rome. A Historical Survey*. London; Glasgow: Cohen & West ltd; The University Press.

8. Daletskii Ch.B. (2003) *Ritorika: zagovori, i ya skazhu, kto ty* [Rhetoric: Talk, and I'll tell you who you are]. Moscow: Omega-L Publ.
9. Jay A. (1993) *Effective Presentation*. Financial Times Management (Russ. ed.: Jay A. (2001) *Effektivnaya prezentatsiya*. Minsk: Amalfeya Publ.).
10. Koshanskii N.F. (1854) *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. Saint Petersburg.
11. Lomonosov M.V. (1850) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Saint Petersburg.
12. Losev A.F. (2000) *Istoriya antichnoi estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [The history of ancient aesthetics. The Sophists. Socrates. Plato]. Moscow: AST Publ.
13. Mikhal'skaya A.K. (1996) *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo* [Fundamentals of rhetoric. Thought and word]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
14. Pasternak E.L. (2002) *"Ritorika" Lami v istorii frantsuzskoi filologii* ["Rhetoric" Lamy in the history of French philology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
15. Quintilian M.F. (AD 95) *Institutio Oratoria* (Russ. ed.: Quintilian M.F. (1834) *Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavlenii*. Saint Petersburg).